

Информация для цитирования:

Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1(59). С. 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141.

Kozhokar I. P., Rusakova E. P. *Pravorealizatsionnaya yuridicheskaya tekhnika i tsifrovoe pravosudie* [Law-Implementing Legal Engineering and Digital Justice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2023. Issue 1(59). Pp. 121–141. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141.

УДК 347.93

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141

**ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА
И ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157,
<https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

И. П. Кожокарь

Институт государства и права РАН
E-mail: 89272234877@mail.ru

Е. П. Русакова

Российский университет дружбы народов
E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Поступила в редакцию 09.12.2022

Аннотация: динамичное развитие правовой системы, усложнение ее элементов и связей между ними актуализируют применение теоретических конструкций к отраслевым исследованиям. Прежде всего это способствует определению четкой методологической основы исследования новых институтов права, что является залогом получения аргументированных, непротиворечивых и обоснованных выводов и предложений. К наиболее актуальным и востребованным направлениям исследования сегодня относятся правовое регулирование применения систем искусственного интеллекта, роботизированных технологий, цифровизация судопроизводства и др. Имеется немало предложений и наработок ученых-юристов, однако их анализ показал наличие нередко существенных расхождений в определении базовых понятий, содержании правоотношений, а также предпосылок их возникновения, порядка и оснований привлечения к юридической ответственности и т.д. Указанные противоречия находят свое выражение и в действующем законодательстве. **Цель:** определить значение приемов юридической техники для регулирования отношений связанных с использованием систем искусственного интеллекта. **Методы:** инструментами исследования стали понятия и законы междисциплинарных областей знания: общей теории систем, теории информации, кибернетики, теории управления; системный подход позволил охарактеризовать существующие формы реализации права, а также юридическую технику в категориальном аппарате теории права, выявить особенности правореализационной техники; формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод. **Результаты:** осуществлено комплексное научное исследование форм реализации права; выявлены особенности применения средств, приемов и способов юридической техники во всех формах реализации; сделан анализ гражданского судопроизводства сквозь призму цифровизации, особенностей применения со-

© Кожокарь И. П., Русакова Е. П., 2023

временных информационно-телекоммуникационных технологий в юридической деятельности, а также в судопроизводстве; установлено влияние на эффективность указанных процессов использования приемов юридической техники.

Ключевые слова: юридическая техника; реализация права; цифровое судопроизводство; информационно-телекоммуникационные технические средства; искусственный интеллект

LAW-IMPLEMENTING LEGAL ENGINEERING AND DIGITAL JUSTICE

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00157,
<https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

I. P. Kozhokar

Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences
E-mail: 89272234877@mail.ru

E. P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Received 09 Dec 2022

Introduction: *the dynamic development of the legal system, the increasing complexity of its elements and links between them draw attention to the application of theoretical constructions in discipline-specific research. First of all, this contributes to defining a clear methodological basis for the study of new legal institutions, this being the key to obtaining reasoned, consistent, and motivated conclusions and proposals. Currently, the most relevant and popular research areas include legal regulation of the use of artificial intelligence systems, robotic technologies, digitalization of legal proceedings, etc. There are many proposals and solutions suggested by legal scholars on these issues, but analysis shows significant discrepancies in the definition of basic concepts, in the understanding of the essence of legal relations as well as the prerequisites for their occurrence, the procedure and reasons for imposition of legal liability, etc. These contradictions are externalized in the current legislation. Purpose:* to determine the importance of using legal engineering techniques for the regulation of relations involving the application of artificial intelligence systems. **Methods:** *the key research tools are concepts and laws of interdisciplinary fields of knowledge: general systems theory, theory of information, cybernetics, theory of management; the systematic approach made it possible to characterize the existing forms of law implementation and also legal engineering techniques in the conceptual apparatus of the theory of law as well as to identify the specific features of law implementation techniques; formal legal method; comparative legal method. Results:* we carried out comprehensive scientific research on the forms of law implementation; the study revealed specific features of the application of the means, techniques, and methods of legal engineering in all forms of law implementation. We also analyzed civil proceedings through the prism of digitalization, application of modern information and telecommunications technologies in legal activities and legal proceedings; the effect of the use of legal engineering techniques on the effectiveness of these processes was determined.

Keywords: legal engineering; implementation of law; digital legal proceedings; information and telecommunications technical means; artificial intelligence

Реализацию права принято ассоциировать с тремя хрестоматийными формами: соблюдение, исполнение, использование. Помимо форм теоретическая наука оперирует порядками реализации права: уведомительным, разрешительным, регистрационным, конкретизационным и обеспечительным.

В отношении установления места правоприменения в структуре форм реализации пра-

ва Т. В. Кашанина подметила, что «правоприменение – это не одна из форм реализации прав, а особый тип осуществления права» [28, с. 433]. Именно поэтому она дифференцирует два типа осуществления права: непосредственный (реализация права) и правоприменительный. Выведение правоприменения за рамки иных форм реализации права детерминировано их неоднородным характером [28, с. 291,

292]. О. В. Лазарева и Н. И. Сухова под применением права предлагают понимать властно-распорядительную деятельность, обеспечивающую реализацию правовых норм в конкретных отношениях [58, с. 184].

Актуализацию правоприменения С. С. Алексеев предлагал связывать с тремя основаниями: 1) действие закона обусловлено конкретными обстоятельствами, требующими идентификации и контроля; 2) наличествует спор о праве; 3) происходит нарушение прав и законных интересов [3, с. 222].

Теоретический анализ правоприменительных юридических технологий целесообразно начать с решения вопроса об установлении их места в структуре юридической технологии в целом. Вместе с тем решение данной задачи требует наличия определенного уровня теоретических обобщений, что присуще только ученым-теоретикам права. Так, Н. А. Власенко классифицирует юридические технологии на генеральные и второстепенные [13]. Иной классификационный ряд был предложен С. С. Алексеевым, который выдвинул тезис о делении юридической техники на законодательную и технику индивидуальных актов [2, с. 272]. Ко второй подгруппе ученый относил и правоприменительную технику. Определяя четыре технологические конструкции права, Р. А. Ромашов выделяет в том числе технологии социально-юридического правообразования, итоговым результатом которых выступает правоприменительный акт [43, с. 85]. Правоприменительную технику принято дифференцировать и по видам юридической деятельности, что в целом следует признать рациональным. Так, В. Н. Карташов делил правоприменительную технику на судебную, следственную, дознавательскую и др. [26, с. 18]. Т. В. Кашанина дополнила этот перечень нотариальной, адвокатской, договорной и иной правореализационной юридической видами техники [27, с. 43].

Очевидно, что каждый вид правореализационной деятельности обусловлен индивидуальным юридико-техническим инструментарием, однако для этих видов деятельности будут актуальны только те приемы, средства и правила, которые характерны для правореализационной технологии в целом. Под правореализационной технологией следует понимать инструментарий правоприменительной и иной право-

реализационной деятельности, используемый для оформления юридических решений – актов реализации права – с целью обеспечения эффективности правового регулирования. Можно заключить, что правореализационная юридическая техника включает в себя два блочных подразделения: правоприменительную технику и иную правореализационную технику.

Стоит заметить, что при изучении общих и специальных вопросов правоприменительной техники требуется учитывать отраслевую специфику, что предопределено узкой специализацией правоприменительных юридико-технических средств, приемов и правил. Это обстоятельство детерминирует «поотраслевое» научное осмысление соответствующих вопросов: административная правоприменительная юридическая техника, уголовно-правовая правоприменительная юридическая техника и т.д. [11; 22; 38]. При этом очевидна нехватка теоретических научных изысканий, подготовленных в духе научных обобщений, хотя на этот счет имеются исследования уровня докторских диссертаций [30]. Как справедливо замечает В. Я. Колдин, проблема технологического уровня правоприменения обусловлена «кризисом правовой реформы», что предопределяет актуализацию потребности в теоретических разработках [29, с. 89].

Общеизвестно, что усложнение общественных отношений способствует усложнению и, как следствие, количественному увеличению базы законодательства, что нередко детерминирует увеличение дефектов системы законодательства. Единственной надеждой на то, что дефекты законодательства не окажут негативного воздействия на реальные общественные отношения, остаются профессионализм правоприменителя и неукоснительное соблюдение им требований правоприменительной юридической техники. В этом смысле эффективность правовой системы в целом в немалой степени зависит и от правоприменителя, чей регулятивный потенциал трудно переоценить.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что через правоприменительный акт проявляется юридическая сила нормативно-правового акта, использованного для решения соответствующего юридического дела, что доказывает поднормативный характер актов применения права [57, с. 619, 622]. Также следует

констатировать, что ожидаемым эффектом от неукоснительного следования процессуальным требованиям к подготовке, оформлению и принятию правоприменительного акта является обеспечение законности в части конкретных отношений, применительно к которым принят соответствующий акт. Нарушение требования законодательства (в том числе процессуального) неизбежно приводит к обратному эффекту – нарушению законности и, как следствие, признанию правоприменительного акта недействительным. Но именно законность лежит в основе всех юридико-технических средств, являясь самостоятельным требованием, предъявляемым к юридико-технической деятельности. Описывая условия законности принимаемого правоприменительного акта, П. А. Лупинская отметила: такой акт должен быть принят компетентным органом власти, уполномоченным принимать соответствующие решения; принятию акта должна предшествовать предусмотренная законом процессуальная деятельность, в основе которой лежит определение обстоятельств, влияющих на вынесение итогового решения; к анализируемой сфере общественных отношений должен быть подобран соответствующий закон или иной нормативно-правовой акт, подлежащий применению; юридическое решение, принятое по делу, должно отвечать всем требованиям, предъявляемым законом к процессуальной форме соответствующего акта, в том числе к его реквизитам [34].

В отношении правоприменительных актов особое внимание следует обратить на судебное решение, поскольку применяемая терминология остается предметом оживленной дискуссии. Так, судебное решение упоминается в качестве самостоятельного юридического факта-основания возникновения гражданских прав и обязанностей (подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Определение его правовой природы не вызывает нареканий, однако подвергается обоснованной критике избранная терминология, несвойственная процессуальному праву. Так, М. А. Рожкова подмечает, что под судебным решением целесообразно понимать соответствующую деятельность суда по вынесению правоприменительного акта, а не сам акт [42]. Вслед за ней В. А. Белов отмечает непоследовательность законодателя, упомянувшего в статье 8 ГК РФ судебные решения и промолчавшего про иные

судебные акты [8]. В аналогичном ключе рассуждает С. К. Загайнова, связывающая правосудие не только с судебными решениями, но и с приказами, определениями, исполнительными листами [21]. Указанные выше замечания позволяют сделать общий вывод о приемлемости такого термина, как «судебный акт» [10; 41]. Однако с таким толкованием подпункта 3 пункта 1 статьи 8 ГК РФ соглашаются далеко не все правоведы. К примеру, В. А. Власенко квалифицирует предложенный в указанной выше норме права термин в качестве универсального понятия, актуального для любого вида судебных актов [12]. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие исследователи [36]. Существующее на сегодняшний день положение дел предопределяет «широкие» и «узкие» подходы к трактовке судебного решения, понимаемого либо как решение, разрешающее дело по существу, либо как любые акты судопроизводства, либо как документы судопроизводства и судебного делопроизводства [16]. В. Г. Голубцов, детально исследуя проблему легальных формулировок при определении судебного решения как юридического факта в гражданском праве, предлагает воспринимать «судебное решение» как некое родовое понятие, что следует признать обоснованным [15]. Представляется, что в рамках рассматриваемой проблематики можно присоединиться к данному мнению.

Специальный акцент внимания на юридико-технической стороне подготовки судебного акта – весьма редкое научное явление. Однако, к счастью, подобные научные изыскания существуют. Так, Н. А. Колоколов размышляет о правовой культуре судебного решения, задевая некоторые юридико-технические вопросы [31]. Он описывает примеры стремления юристов к терминологической чистоте (или даже «сухости»), игнорирующей в некотором смысле элементарные правила русского языка. Например, в одном из дел, дошедших до Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам, высшая судебная инстанция изменила описательно-мотивировочную часть приговора на том основании, что судья, выносивший приговор, вместо такого отягчающего обстоятельства, как «особо активная роль в совершении преступления», использовал иное словоупотребление – «наиболее активная роль в совер-

шении преступления», хотя смысловая тождественность сопоставляемых формулировок очевидна. Т. В. Кашанина со ссылкой на работу Л. Фридмэн акцентировала внимание на факторах, влияющих на правосудие, указав среди них политические тенденции, партийные взгляды, традиции, изменившиеся социальные условия, материалы судебных решений по аналогичным делам, комментарии законов, мнения других судей [28, с. 441; 49, с. 70–73].

Е. В. Федорченко, квалифицируя юридическую технику судебных решений в качестве критерия уровня правовой культуры, при характеристике российской правовой системы обращает внимание на высокие темпы законодательной инфляции, непоследовательность законодателя, а также на игнорирование правоприменителем юридико-технических правил при подготовке актов реализации права [47]. В то же время «судебные акты должны быть точными, понятными, убедительными и объективными по содержанию, не допускающими неясностей при исполнении»¹. Тексты судебных актов относятся к информации, размещаемой в свободном доступе в сети Интернет². Этот факт сам по себе должен усиливать ответственность лиц, отправляющих правосудие и составляющих проекты соответствующих правоприменительных актов. Однако следует констатировать значительное количество грамматических, стилистических, пунктуационных, арифметических и иных ошибок, обнаруженных в текстах судебных актов.

Нередко при подготовке мотивировочной части судебного решения правоприменитель использует «шаблон» аналогичной части, предложенной одной из сторон спора, чья аргументация кажется ему более убедительной и соответствующей требованиям законности, обоснованности и справедливости. Однако «слепое» копирование такого текста приводит порой к курьезным ошибкам. К примеру, в исковом за-

явлении, на текст которого опирается судья, допущена грубая арифметическая ошибка при подсчете размера долга, предъявляемого к взысканию. Заявитель отмечает, что с учетом осуществленного возврата части долга размер требуемых с ответчика денежных средств составляет: $980\ 000 - 400\ 000 - 300\ 000 = 480\ 000$ руб. (четыреста восемьдесят тысяч рублей). Указание суммы долга прописью стало восприниматься как показатель ее корректности, однако при этом игнорируются простейшие арифметические правила, приводящие к опискам, опечаткам, просчетам и иным упущениям. Конечно, на этот случай есть правило статьи 200 ГПК РФ о порядке исправления описок и явных арифметических ошибок в решении суда. Не отрицая важности сохранения указанной нормы права в силе, заметим, что судебные акты выносятся именем Российской Федерации, ввиду чего допущение в них ошибок должно быть крайне редкой практикой. Так, если ни одно из лиц, участвующих в деле, так и не обнаружит допущенную судом арифметическую ошибку, то решение суда будет исполнено в таком виде. Уплата на основании решения суда долга в размере, превышающем действительный долг, нарушит необходимый баланс интересов сторон и состояние законности, что в перспективе повредит авторитетности судебной власти в глазах российского общества.

Говоря о юридико-технических особенностях подготовки судебных актов, следует остановиться на некоторых устоявшихся обычаях. Так, в научной литературе отмечается, что «устойчивая речевая формула Именем Российской Федерации пишется с прописной буквы в каждом слове и должна предшествовать названию судебного акта» [17, с. 135]. Однако вопреки устоявшимся правилам в судебных актах нередко указанная речевая формула находится после наименования правоприменительного акта. Следующий немаловажный юридико-технический нюанс касается даты и времени составления судебного акта. Так, согласно правилам официальной письменной речи, обстоятельство времени всегда ставится перед обстоятельством места. Применительно к тексту судебного акта это означает, что первоначально указывается дата, а затем место его составления. Однако зачастую эта последовательность игнорируется правоприменителем.

¹ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 (п. 12) // Российская газета. 2007. 8 июня.

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>.

По поводу юридико-технических особенностей подготовки приговоров Верховным Судом РФ принято постановление Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (далее – Пленум о приговоре)¹. Содержание этого акта «открывается» легальной дефиницией «приговора», под которым предлагается понимать «постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания». К приговору суда предъявляются главным образом три основополагающие требования: законность, обоснованность и справедливость. Структура Пленума о приговоре предусматривает перечисление требований: к вводной части приговора; к описательно-мотивировочной части приговора; к описательно-мотивировочной и резолютивной частям оправдательного и отдельно обвинительного приговоров, а также к некоторым иным требованиям. В пункте 2 Пленума о приговоре подчеркивается, что и у оправдательного, и у обвинительного приговоров – единые стандарты изложения вводной части. Понятно, что большая часть положений указанного акта касается либо юридической квалификации, либо процедурных аспектов. Однако отдельные замечания юридико-технического характера, представляется, заслуживают специального внимания и поддержки. К примеру, в пункте 41 Постановления о приговоре отмечается, что текст приговора должен состоять из ясных и понятных выражений, в нем не должно быть неприятных сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также информации, не имеющей отношения к рассматриваемому делу. В рассматриваемом постановлении Пленума ВС РФ обращается внимание и на этически-технические аспекты приговора. Так, в приговоре следует избегать подробного описания способов совершения преступлений, связанных с изготовлением наркотических средств, взрывчатых веществ, а также с половой неприкосновенностью несовершеннолетних лиц.

Таким образом, правоприменительный акт, как генеральный объект правореализационной юридической техники, отличают поднорматив-

ный характер и обычно предъявляемые требования законности, обоснованности, справедливости. Формальная определенность правоприменительных актов обуславливает их объективацию в виде актов-документов, которым присущи, главным образом, две особенности: структурированность (наличие вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей) и письменная (в том числе электронная) форма выражения. Наиболее распространенным видом правоприменительных актов выступает судебный акт, к форме, структуре и содержанию которого применяются особые технико-юридические требования, часть из них носит характер легальных предписаний.

Рассуждая об особом юридико-техническом инструментарии, присущем исключительно правоприменительной деятельности, важно исходить из представления о наличии как общих черт, свойственных юридико-техническим приемам, применяемым к иным правовым актам, так и специфических. Так, учитывая, что правоприменительная техника концентрируется в правоприменительном акте-документе, большое значение в этом смысле приобретает такое юридико-техническое средство, как терминология. Правоприменитель при подготовке соответствующего акта так или иначе апеллирует к терминологии нормативно-правового акта, подлежащего применению. При этом, используя терминологию в тексте правоприменительного акта, правоприменитель обязан соблюдать определенные юридико-технические правила, в том числе соответствие терминологии правоприменительного акта терминологии применяемого нормативного правового акта. Юридическая терминология – это в некотором смысле отдельная сфера научных изысканий. Несмотря на то что она вызывает немалый интерес ученых-теоретиков права, акцент в ее рассмотрении сводится либо к сфере правотворческой юридической техники, либо к сфере толкования. Не умаляя значимости юридической терминологии и в этих предметных областях, очевидно, что действительный регулятивный эффект от правильного применения предложенной законодателем юридической терминологии возникает в процессе правоприменительной деятельности. Как справедливо заметил А. С. Александров, «судебное решение – это текст, наделенный смыслом властью» [1,

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55 // Российская газета. 2016. 7 дек.

с. 105]. В интерпретации А. С. Александрова, у юридического текста нет заранее заданного смысла: этот смысл вкладывается каждым правоприменителем всякий раз при подготовке правоприменительного акта-документа. При этом действующая власть предопределяет стратегию прочтения смысла юридического текста.

Юридико-техническое мастерство правоприменителя приобретает особую важность при работе с синонимами, омонимами, иноязычными терминами, полисемией. Рассматривая синтаксические особенности правоприменительного акта, можно отметить наличие в нем повторов, связующих слов / словосочетаний, наличие единой тематики, объявленной в заглавии текста акта. Реализуемость и аргументированность правоприменительного акта во многом предопределены соблюдением композиции правоприменительного акта.

Инструментарий юридико-технических приемов правоприменительной деятельности значительно уже, чем аналогичный инструментарий, которым оперирует законодатель. В качестве одного из ведущих правоприменительных приемов следует назвать аргументацию, которая лежит в основе подготовки любого правоприменительного акта. Аргументация отличается анализом фактических обстоятельств дела и их юридической оценкой [44, с. 51]. Небезупречная аргументация приводит к дефектам правоприменительного акта.

Текст правоприменительного акта, отличаюсь индивидуальной определенностью, в то же время применяется к типичным отношениям многократно. Это предопределяет необходимость унификации текста такого акта. Обеспечение законности как главного требования к правоприменительной деятельности возможно только в том случае, если правоприменитель принимает одинаковые по итоговому результату решения к идентичным ситуациям. Как известно, это происходит не всегда. Так, широко известны случаи принятия в однотипных ситуациях противоположных судебных решений, что очевидно нарушает состояние законности общественных отношений.

Стремясь к унификации правоприменительных актов, правоприменитель зачастую создает трафарет такого акта, его примерный шаблон. В таком шаблоне указывается постоянная информация, которая не меняется от акта

к акту (особенно его вводная часть), а также остается свободное поле для переменной информации, которая уникальна в каждом рассматриваемом случае.

Правоприменительные юридико-технические правила могут быть сгруппированы в четыре класса:

- 1) лингвистические;
- 2) логические;
- 3) делопроизводственные;
- 4) юридические.

Так, лингвистические правила определяют стиль (как правило, деловой), лексические и грамматические нормы, актуальные для правоприменительного акта. Логические правила предполагают использование достижений логики, в том числе формальной, в части оперирования понятиями, суждениями, умозаключениями; а также использование законов логики (тождества, непротиворечия, исключения третьего, достаточного основания). Реквизиты, формуляры, официальные бланки, подписи, печати и штампы – это удел делопроизводственных правил. Ценность такого элемента делопроизводственных юридико-технических правил, как реквизиты, заключается в придании соответствующему акту-документу юридической силы. Так, идеально составленный правоприменительный акт, на котором не поставлена в установленном законом порядке печать, не будет принят к исполнению. Реквизиты могут быть классифицированы на: удостоверяющие (например, подпись, печать, гриф и т. д.); идентифицирующие (наименование, дата и место составления, уникальные серия, номер, код); относящиеся к авторству (указание органа, выдавшего документ, его ведомственного подчинения, места нахождения и т. д.); справочные.

Что касается сугубо юридических правил правоприменительной юридической техники, то к одному из них может быть отнесена квалификация. К примеру, квалифицируя деяние в качестве правонарушения, правоприменитель обязан установить все элементы состава правонарушения и отразить их в тексте соответствующего акта.

Таким образом, правоприменительный юридико-технический инструментарий включает в себя: юридические средства, в том числе юридическую терминологию; приемы, в

том числе аргументацию, понимаемую как анализ фактических обстоятельств дела и их юридическую оценку; правила, в том числе квалификацию.

Рассмотрев некоторые аспекты правоприменительной техники, в том числе техники подготовки правоприменительных актов, представляется необходимым хотя бы в самом общем виде показать юридико-технические особенности подготовки иных актов реализации права. Под ними обычно понимаются акты-документы, целью которых является осуществление субъективных прав и юридических обязанностей. В основе любого акта реализации права независимо от сферы применения лежат нормы права, которые предопределяют как форму, так и содержание акта реализации права. Среди признаков актов реализации права следует выделить: 1) письменную (в том числе электронную) объективацию; 2) индивидуальную определенность; 3) активирование одной из стадий динамики правоотношения: возникновение, изменение или прекращение.

Правореализационные акты разнообразны по форме и содержанию, многочисленны и широко востребованы в юридической практике. К ним могут быть отнесены юридически значимые сообщения, гражданско-правовые договоры, доверенности, заявления, завещания, претензии, жалобы и др. В научной литературе можно встретить их классификации по различным признакам: по количеству субъектов (индивидуальные и коллективные), по сфере применения (служебные, корпоративные, частные), по юридическим последствиям (правоустанавливающие, правоизменяющие, правопрекращающие) [48].

Недооценка юридико-технической составляющей при подготовке актов реализации права имеет непосредственную связь с эффективностью правореализации в целом. Однако эту связь напрасно недооценивают. Исключением из этого является лишь исковое заявление, к форме, содержанию и юридической технике которого законодатель предъявляет особые требования. Так, статья 131 ГПК РФ довольно подробно разъясняет, как должно быть составлено исковое заявление: оно имеет форму письменного или электронного документа; содержит подробные сведения об истце и ответчике; указывает на суть правонарушения, по-

служившего причиной обращения за судебной защитой; включает перечень обстоятельств и их доказательств; характеризуется наличием цены иска, если требование подлежит денежной оценке; включает сведения о досудебном порядке и о действиях, которые предпринимались для примирения сторон; содержит перечень документов, прикладываемых к заявлению в качестве приложений. Стоит отметить, что подобные требования «подкреплены» правилом пункта 1 статьи 136 ГПК РФ: несоблюдение обязательных требований к исковому заявлению влечет оставление его без движения.

Несколько иное положение дел складывается в частноправовых отраслях законодательства. К примеру, гражданское законодательство, оперирующее одной из центральных правовых конструкций – договором, фактически не содержит сугубо юридико-технических требований к его подготовке. Так, действительность договора обусловлена согласованием всех существенных условий договора, в том числе его предмета, условий, которые законодатель квалифицировал в качестве существенных (например, в некоторых договорах – цена), а также в условиях, квалифицированных в качестве существенных одной из сторон договора. В то же время подраздел 2 ГК РФ «Общие положения о договоре» затрагивает далеко не все юридико-технические вопросы, связанные с подготовкой его текста, структуры, формулировкой условий. ГК РФ в большей степени регламентирует процедурную сторону этого вопроса – заключение гражданско-правового договора.

Договор принято квалифицировать в качестве универсальной правовой конструкции [24]. Он находит применение чуть ли не во всех отраслях российского законодательства (исключение составляет уголовное законодательство). Главная функция договоров – опосредование обмена между людьми для удовлетворения разнообразных потребностей. Широта применения договорных конструкций с неизбежностью ставит вопрос об акцентуации внимания на технике ведения договорной работы.

В договорной практике уже выработались некоторые обычаи подготовки текста договора. К примеру, текст договора всегда структурирован: в нем можно выделить такие разделы (которые, однако, могут носить иное наименование), как «шапка» (наименование, место и дата

составления, общие положения (или вводная часть, преамбула), содержательные положения (или описательная часть), заключительная часть (реквизиты сторон). Так, вводные положения содержат сведения о сторонах договора; содержательные положения направлены на демонстрацию прав и обязанностей сторон договора, особенностей их осуществления и исполнения. Очевидно, что сердцевину договора составляют содержательные положения: именно из их смысла следует вывод о квалификации правовой природы отношений, возникших между его сторонами. Поэтому этой части договора должно быть уделено особое внимание. Описательная часть сама по себе обладает внутренней структурой, отражающей логику соответствующей модели договора: она включает в себя характеристику предмета, цены и особенностей расчета между сторонами, прав и обязанностей, ответственности, форс-мажорных обстоятельств, заключительных положений. Квалифицируя описательную часть договора в качестве конституирующей, стоит подчеркнуть значимость и других элементов структуры договора. Так, даже «шапка», в которой содержится наименование договорной конструкции, место и дата вступления в соответствующие правоотношения, имеет не чисто техническое, а юридическое значение. Например, название договора обычно используется в качестве дополнительного аргумента, отражающего действительные намерения сторон на возникновение тех или иных отношений. Однако, как подчеркнули высшие судебные инстанции, договор квалифицируется не по названию, а по предмету, содержанию прав и обязанностей, распределению рисков и т. д.¹

В науке не сложилось единого подхода к пониманию термина «договорная работа». В одних случаях под ним понимают только процесс заключения договора (в том числе его подготовку, оформление, согласование условий), а в других – как заключение договора, так и его исполнение (в том числе контроль реализации договорных обязательств) [40; 51, с. 13].

¹ См. об этом: О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49 // Российская газета. 2019. 11 янв.; О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

Раскрывая основы технологии ведения договорной работы, сделаем ряд замечаний, очевидно носящих статус правовых аксиом. Так, технология ведения договорной работы зависит от правового статуса сторон моделируемой договорной конструкции. Как правило, договор, участниками которого выступают физические лица, незначителен по объему, содержит основные права и обязанности сторон, во многом напоминающие ту модель договора, которая предложена законодателем (если договор относится к числу поименованных). Однако участникам гражданского оборота – физическим лицам – можно рекомендовать прибегать к конкретизации в тех случаях, когда, используя установленную законодателем договорную модель, стороны желают согласовать уникальные условия, характеризующие специфику только их договорной связи.

К примеру, при заключении договора купли-продажи квартиры нередко встает вопрос о юридической судьбе имущества, находящегося в этой квартире. Причем ситуация имеет двоякую проблематичность. В одних случаях покупатель квартиры заинтересован в приобретении такого имущества, особенно если оно по своей технологической конструкции носит «встроенный» характер (чаще всего это касается мебели и бытовой техники). Нередко на этапе подписания предварительного договора купли-продажи квартиры стороны обговаривают вопрос о юридической судьбе имущества, находящегося в квартире, но не фиксируют достигнутых договоренностей в письменной форме. В результате такого упущения возникает следующая неприятная ситуация: после подписания основного договора купли-продажи спорной квартиры и государственной регистрации перехода права собственности на нее продавец вывозит всю мебель и технику, обещанную к передаче покупателю, мотивируя свою позицию тем, что поскольку передача такого имущества представляет собой дарение, постольку продавец вправе его отменить. Эта ситуация может усугубляться еще и тем, что стоимость такой мебели и техники может быть намеренно «замаскирована» в цене сделки, что особенно актуально для сделок по приобретению недвижимого имущества за счет ипотечных кредитных средств. В других случаях складывается прямо противоположная ситуация. Пообещав вывезти

свое имущество, продавец не приступает к исполнению этой обязанности, значительно затягивая переезд покупателя в приобретенную им квартиру, что порой приводит к убыткам, вызванным необходимостью оплаты иного жилья.

Если же лишь одной из сторон договора выступает физическое лицо, а другой – юридическое, то такой договор отличается более детальной и ввиду этого сложной юридической техникой. «Облегчить» сложный договор призваны такие инструменты, как разработанные одной из сторон договора правила, к которым присоединяется другая сторона (например, правила страхования), а также приложения, которые нередко конкретизируют условия возникшего договорного отношения. В контексте договоров присоединения актуализируется проблема экономически слабой стороны, неплохо изученной в научной литературе [7; 9; 14; 33; 55].

Заметим, что в частноправовых отношениях действует основополагающий принцип свободы договора, детерминирующий, по всей видимости, и свободу выбора юридико-технических средств, приемов и правил. Однако частноправовые обязательства нередко осложнены публично-правовым элементом (чаще всего – субъектом), что предопределяет несколько иной подход к юридико-техническим особенностям подготовки актов реализации права. К примеру, в жилищно-правовой¹ и эколого-правовой² сферах широко распространены типовые договоры, регламентированные соответствующими нормативно-правовыми актами. Обычно типовой договор представляет собой уже готовый проект договора, в который вписываются лишь пере-

менные условия, конкретизирующие стороны договора, его объект, а также отдельные варьирующиеся условия (например, срок договора).

Размышляя о юридико-технических средствах ведения договорной работы, стоит отметить их особенный характер. Как говорит А. С. Шабуров, такое юридико-техническое средство, как нормативное изложение, несвойственно технологии подготовки текста договора, однако многие другие правотворческие средства вполне применимы и к договорам (например, юридическая терминология, юридические конструкции, отраслевая типизация) [57]. С юридико-технической точки зрения договор представляет собой специфический текст, обладающий правовым содержанием. Обычно к числу признаков юридического текста относят: лаконичность, логичность, точность и ясность, композиционность изложения. Все эти признаки свойственны и тексту договора. Учитывая относимость всех юридических средств к языку, на котором излагается правовой текст, стоит отметить важность соблюдения орфографических, пунктуационных, стилистических и иных правил русского языка. По А. С. Александрову, право есть языковое явление, опосредующее правовую коммуникацию, что предопределяет особую роль юридической техники в системе координат «система права – система законодательства»: оно выступает трансформатором [1]. При этом следует учитывать, что тексту договора свойственны следующие особенности: официально-деловой стиль изложения; ясность и простота языка договора; терминологическая чистота, предполагающая четкое следование «букве закона», и т. д.

Основным юридико-техническим средством ведения договорной работы выступает юридическая терминология. Так, при моделировании текста договора его стороны могут прибегать к использованию научных, художественных и общеупотребительных терминов. Для юридической терминологии, используемой в договорной практике, характерна отраслевая спецификация. С учетом того, что текст договора полностью «подвластен» его сторонам, представляется необходимым избегать употребления в нем оценочных понятий, открытых перечней, развернутых дефиниций. Заметим, что договорное дефинирование допустимо только в тех случаях, когда стороны либо ис-

¹ См., например: Об утверждении Типового договора социального найма жилого помещения: постановление Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315 // Российская газета. 2005. 27 мая.; Об утверждении типового договора найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: постановление Правительства РФ от 28 июня 2013 г. № 548 (ред. от 29.11.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

² См.: Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков: приказ Минприроды России от 30 июля 2020 г. № 542 (ред. от 25.01.2022): зарегистрир. в Минюсте России 7 дек. 2020 г. № 61320 // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>; Об утверждении типового договора купли-продажи лесных насаждений: приказ Минприроды России от 27 июля 2020 г. № 488: зарегистрир. в Минюсте России 7 дек. 2020 г. № 61294 // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> и др.

пользуют специфическую терминологию, не являющуюся легальной, либо придают общепотребляемым понятиям особый смысл, либо оперируют термином, характеризующимся дискуссионным содержанием. То же самое касается и аббревиатур: сторонам договора следует прибегать к использованию такого приема только в том случае, если аббревиатура является легальной или в тексте договора предложен список сокращений.

Еще одним юридико-техническим средством, используемым в договорной практике, выступают юридические конструкции. В самом общем виде под юридической конструкцией следует понимать модель юридической связи сторон договора, отражающей специфику взаимоотношений контрагентов. Однако в теоретической науке не сложилось единого научного представления о юридической конструкции. Так, по мнению одних исследователей, под ней следует понимать логическую дедукцию; с позиции других – теоретические положения¹; по мнению третьих – способ регулирования общественных отношений; в интерпретации четвертых – средство юридической техники [2; 20; 35; 46, с. 73]. Не вдаваясь в эту многовековую дискуссию и даже не выражая по этому поводу собственного мнения, позволим себе ограничиться последним подходом с учетом тематики настоящего научного изыскания. Заметим, что нам импонирует представление о юридической конструкции, отраженное в научных трудах А. Ф. Черданцева. Так, он предложил рассматривать юридическую конструкцию как сложную модель, отражающую взаимосвязи общественных отношений, юридических фактов и их элементов [53, с. 131]. Выяснение сущности юридической конструкции через моделирование не только возможно, но и необходимо, поскольку идеализация общественных отношений позволяет «разложить» их на взаимосвязанные элементы [54].

К. М. Коркунов сделал весьма важное замечание относительно условий, которым должна удовлетворять юридическая конструкция: 1) она должна покрывать собой все возможные частные случаи; 2) быть последовательной; 3) быть естественной [32]. Несколько иные тре-

бования к юридическим конструкциям предъявлял Р. Иеринг. По его мнению, в отношении юридической конструкции действуют три закона: закон совпадения с положительным материалом, закон систематического единства и закон красоты [23]. Эти законы отражают позитивный, логический и эстетический элементы юридической конструкции.

Юридические конструкции принято дифференцировать на нормативные и теоретические. Первые – предложены законодателем в тексте соответствующих нормативных актов, вторые – разрабатываются доктриной. Однако подобная типизация юридических конструкций весьма условна: в действительности доктринальные юридические конструкции обусловлены нормами права, а некоторые нормативные юридические конструкции обусловлены предварительным научным осмыслением. Т. А. Доценко замечает, что юридические конструкции особенно ценны в правореализационной деятельности, поскольку выступают средством установления юридически значимых фактов [18, с. 322].

Если говорить о договорных юридических конструкциях, то их базовые модели в части типичных, часто встречающихся отношений регламентированы законодательством. Прежде всего речь идет о части второй ГК РФ. Функциональное предназначение юридической конструкции сконцентрировано главным образом на конкретизации правового статуса сторон договорного правоотношения. Однако наличие договорных юридических конструкций не умаляет значения договорной работы, поскольку в частноправовой сфере законодатель предоставляет максимально широкие возможности для «доработки» шаблона договорной юридической конструкции, ограниченной лишь императивными предписаниями.

К числу юридико-технических средств, задействованных в договорной правореализации, относится и отраслевая типизация. Содержание договора нередко зависит от его участников, их правового статуса. Еще большая зависимость содержания договора прослеживается от частноправового или публично-правового характера регулируемых отношений. Несмотря на то что договор выступает классическим институтом частного права, присутствие договорных конструкций в публично-правовых отраслях

¹ См., например: Мальцевич В. В. Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 139–141.

позволяет рассуждать о специфических договорах, присутствующих в публично-правовой сфере. К числу таких договоров относится административный договор, одной из сторон которого выступает публичный субъект, наделенный государственно-властными полномочиями. Участие в договорных правоотношениях публичного субъекта накладывает особый отпечаток на юридико-технический статус соответствующего проекта договора. Так, публичный субъект может быть наделен дополнительной компетенцией, несвойственной частноправовым договорным отношениям, ему может быть предоставлено «привилегированное» право на изменение каких-либо договорных условий в одностороннем порядке и т. д.

В качестве графических юридико-технических средств, используемых в договорной практике, выступают бланки, таблицы, схемы, нередко получающие статус приложений к договору. К примеру, типовой договор аренды лесного участка для заготовки древесины снабжается внушительным количеством приложений, среди которых: схема расположения и границы лесного участка; характеристики лесного участка; ежегодный объем заготовки древесины; расчет арендной платы и др. Заметим, что если схема расположения лесного участка – это юридико-техническое средство договорной работы, то объективация такой схемы в рамках приложения к договору – это уже юридико-технический прием.

Наряду с юридико-техническими средствами договорная технология включает и юридико-технические приемы. Часть этих приемов уже была описана выше. В концентрированном виде эти приемы касаются особенностей текста договора, в том числе это его структуризация, официально-деловой стиль изложения повествовательного характера, употребление словесных штампов, отсылки к нормативно-правовым актам. Последнее обуславливает распространение в договорной практике бланкетного и ссылочного способов изложения.

Юридическая технология договорной работы представляет собой сложный процесс, который должен быть возложен на компетентное лицо. Именно поэтому в крупных организациях создаются целые юридические отделы, обслуживающие договорную работу соответствующего предприятия. С. А. Хохлов подметил, что договорная работа – это разновидность

правовой деятельности, поскольку в ее основе лежат нормы права [52].

Учитывая, что договор является инструментом удовлетворения потребностей, в основе формулирования его положений должны лежать интересы его сторон. Текст договора должен быть смоделирован таким образом, чтобы получившая договорная конструкция способствовала достижению цели договорного регулирования отношений сторон. Несмотря на детальную правовой регламентацию отдельных гражданско-правовых и иноотраслевых договоров, предполагается, что контрагенты, имеющие намерение породить договорную связь, создадут уникальную модель, максимально учитывающую их интересы и потребности. При подготовке текста договора важно четко дифференцировать императивные и диспозитивные нормы, составляющие правовой режим соответствующей договорной конструкции. Так, императивные предписания действительно независимы от их включения в текст конкретного договора, поэтому загромождение текста такими положениями вряд ли оправданно. Что касается диспозитивных положений, то на них должно быть сконцентрировано внимание сторон договора: такие условия следует прописывать во всяком случае.

Договору, как и любому акту реализации права, свойственны дефекты, которые могут стать следствием случайных или намеренных действий участников договорного правоотношения. Так, к числу дефектов договора могут быть отнесены следующие его недостатки: полисемное содержание отдельных выражений, использование максимально широких оценочных понятий, пробелы, коллизии, противоречия, опечатки, опiski, ошибки [39, с. 156–157].

Юридико-технические требования, касающиеся актов реализации права, содержатся в ГОСТах, в том числе в ГОСТе «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов»¹. Однако, судя по текстам

¹ Методические рекомендации по применению ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов» (разработаны ВНИИДАД). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://archives.ru/>.

актов реализации права, он мало востребован. Заметим, что юридико-технические средства, приемы и правила, используемые при подготовке актов реализации права, прямо коррелируют с теми средствами, приемами и правилами, которые применяет законодатель при подготовке нормативно-правового акта, регламентирующего соответствующую группу общественных отношений.

Существенное значение для подготовки актов реализации права имеют методические рекомендации/указания, которые широко распространены во многих сферах реализации права. К примеру, методические рекомендации имеют существенное прикладное значение в нотариальной практике¹. Несмотря на то что методические указания в сфере нотариата именуется по названию соответствующих нотариальных действий – по удостоверению завещаний и наследственных договоров, по удостоверению доверенностей, по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них, в действительности они содержат юридико-технические средства, приемы и правила, касающиеся актов реализации права, имеющих место в нотариальной практике. Так, в пункте 6.2. Методических рекомендаций по удостоверению доверенностей отмечается следующее: «Доверенность должна содержать:

- наименование документа;
- указание на место ее совершения (город (село, поселок, район), край, область, республика, автономная область, автономный округ полностью), а в случае удостоверения доверенности вне помещения нотариальной конторы – также адрес удостоверения;
- дату ее совершения (число, месяц и год совершения доверенности указываются прописью) (п. 1 ст. 186 ГК РФ, ст. 45.1 Основ);

¹ См., например: Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров: утв. решением Правления ФНП от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21; О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей (вместе с «Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей»: утв. решением Правления ФНП от 18 июля 2016 г., протокол № 07/16); письмо ФНП от 22 июля 2016 г. № 2668/03-16-3; Методические рекомендации по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них [Электронный ресурс]: утв. решением Правления ФНП от 25 апр. 2016 г., протокол № 04/16. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– сведения о представляемом и представителе: в отношении физического лица должны быть указаны фамилия, имя и (при наличии) отчество полностью, место жительства (при наличии); в отношении юридического лица – полное наименование, адрес, место нахождения и (при наличии) регистрационный номер (ст. 45.1 Основ);

– полномочия представителя (ст. 182, 185 ГК РФ);

– подпись представляемого или представителя юридического лица (ст. 44 Основ, п. 4 ст. 185.1 ГК РФ);

а также может содержать:

– срок, на который она выдана (ст. 186 ГК РФ);

– указание на право или запрет передоверия, возможность или запрет последующего передоверия (п. 1 ст. 187 ГК РФ)».

Среди всех юридико-технических средств, используемых при подготовке актов реализации права, центральное место отведено юридической терминологии. Как справедливо заметил А. С. Александров, «юридические понятия есть артефакты, искусственные языковые феномены», создающие правовое бытие, именуемое правом порядком [1, с. 104]. Среди актов реализации права найдется немало примеров, иллюстрирующих бытовой уровень владения юридической терминологией. Однако большинство правореализационных актов-документов требуют специальной юридической терминологии, на что нередко обращается внимание в тексте соответствующих нормативно-правовых актов. Например, составляя ходатайство о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта, заявитель должен четко дифференцировать новые и вновь открывшиеся обстоятельства, семантическое различие которых для лица, не владеющего юридической терминологией, может быть неочевидно. Добавим, что необходимость использования такого юридико-технического средства, как юридическая терминология, актуализируется даже при выборе наименования подготавливаемого документа-акта реализации права.

Характерно, что акт реализации права, в отличие от нормативно-правового акта, не снабжается легальными дефинициями, правовыми аксиомами, фикциями и т. д., ввиду чего презюмируется легкость восприятия той ин-

формации, которую он несет [50]. При этом текст такого акта нередко состоит из простых предложений, осложненных причастными и деепричастными оборотами [6, с. 80–81]. Для акта реализации права характерен деловой стиль изложения, употребление клише и штампов. В специальной литературе, посвященной искусству юридического письма, подчеркивается необходимость соблюдения в акте реализации права актуального членения предложения на две составляющих. Первая составляющая – это тематика обращения, основная информация, которую заявитель желает донести до адресата. Вторая составляющая – это новая информация, на которой заявитель основывает свои требования, использует ее в качестве аргументации.

Стремительное развитие информационных технологий способствует ускорению общественной жизни. Этот факт обуславливает, в частности, широкое распространение электронной формы актов реализации права. Представляется, что, рассуждая о правореализационной юридической технике, нельзя обойти вниманием обозначенную тенденцию. Особый интерес представляет вопрос о роли юридической техники при подготовке актов реализации права, подаваемых в электронной форме. Обращения, направляемые в электронной форме, могут быть дифференцированы на сгенерированные информационной системой, заполненные по шаблону либо подготовленные в свободной форме. Так, направляя в налоговые органы декларацию 3-НДФЛ, заявителю достаточно заполнить определенные информационные «поля», и система сгенерирует декларацию самостоятельно. Это значительно упрощает подход к соблюдению юридико-технических средств при подготовке соответствующих актов реализации права. Применение устоявшихся правил юридической техники в этом случае происходит автоматически. Второй вид обращения, направляемого в электронной форме, – заполнение по шаблону предполагает совершение аналогичного действия: «вбивание» заявителем в имеющиеся «поля» информации, прилагаемой к сообщению. Этот способ подготовки правореализационных актов предупреждает сообщение заявителем ненужной информации и, напротив, упущение необходимой информации, без которой невозможна последующая реализация

права. В ряде обращений, направляемых в электронном виде заявителем в свободной форме, естественно, отсутствуют электронные шаблоны, сгенерированные формы. В этом случае лицо, ответственное за подготовку акта реализации права, продельывает точно такую же работу, что и подготавливая аналогичный документ в письменной форме. Единственным отличием электронной и письменной форм обращений здесь выступает способ проставления подписи. Так, для ряда электронных документов требуется простая (или усиленная) квалифицированная электронная подпись.

Цифровизация активно внедряется и в правоприменительную деятельность. Так, в соответствии с пунктом 1.1 статьи 3 ГПК РФ, исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Разумеется, первоочередным вопросом, который встает после прочтения указанной нормы права, является определение информационной системы, через которую исковое заявление, заявление, жалоба, представление или иные документы могут быть направлены в электронном виде. ГПК РФ по этому поводу содержит следующее правило: электронные иски, заявления, жалобы, представления или иные документы направляются через ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг» либо через информационные системы, определяемые ВС РФ / Судебным департаментом при ВС РФ, либо через единую систему межведомственного электронного взаимодействия¹.

Кроме того, статья 35 ГПК РФ предусматривает возможность получения судебных повесток, извещений, а также постановлений в электронной форме, в том числе в форме электронного документа, что позволит в значительной степени преодолеть проблему, связанную с допущением различных орфографических, грамматических и иных ошибок в актах суда, путем создания электронных форм документов [45].

¹ См. об этом: Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: утв. приказом Председателя Верхов. Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 46-П. URL: <http://www.vsrp.ru/>.

Аналогичные изменения, связанные с цифровизацией судопроизводства, были внесены в АПК РФ, КАС РФ, однако с одной единственной оговоркой: при наличии у суда технических возможностей. Поэтому стоит ли ждать быстрых изменений. Еще одной проблемой является отсутствие единого информационного пространства, поэтому судьям для получения необходимой информации по делу зачастую приходится делать запросы в различные государственные и иные органы в обычном порядке, что также может привести к получению неточной информации и к необходимости ее исправления в дальнейшем.

Очевидно, что для создания электронной формы судебного способа защиты прав необходимо обеспечить должное техническое и программное оснащение судебной системы, а также повысить уровень знаний в области ИТ-технологий всех участников судебного разбирательства [60].

Возможно, уместно обратиться к зарубежному опыту создания цифрового правосудия на примере Китая, для которого характерно активное внедрение технологий искусственного интеллекта и иных информационно-телекоммуникационных средств в судопроизводство, а также создание интернет-судов. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в судебной деятельности позволяет обрабатывать огромные массивы информации и, как следствие, приводит к гармонизации судебной практики.

Добиться таких результатов позволило активное взаимодействие всех участников данного процесса, а именно: государственных органов, судей, ИТ-компаний и предпринимателей [59].

Необходимо отметить и обратную сторону этого процесса. По мнению судьи Ли Цзяньли, интеллектуальная система управления судебными разбирательствами, соединяющая суды по всей стране, аккумулирует и обрабатывает всю полученную информацию в режиме реального времени, согласно которой судьи могут анализировать все судебные разбирательства, оценивать индивидуальную работу судей, а также определять социально-экономическую ситуацию в конкретном регионе, что может

привести к ограничению независимости судей в их деятельности¹.

В условиях информатизации публичного пространства встает вопрос о роли юридической техники применительно к электронным документам. На наш взгляд, дальнейшее догматическое исследование обозначенной проблематики следует вести главным образом в двух магистральных направлениях: первое – изучение юридико-технических традиций, по-прежнему актуальных для тех правореализационных актов, которые подлежат «классической» подготовке и отличаются только электронной формой подачи (например, исковое заявление); второе – изучение междисциплинарного взаимодействия специалистов в сфере юридической техники и программистов, осуществляющих разработку и техническое обслуживание тех информационных систем, при помощи которых происходят подготовка, формирование и подача обращений, направляемых в электронной форме. Что касается второго направления научных изысканий, то современные правоведы уже начали погружаться в эту новую предметную область. Так, заслуживает внимания концепция, идейным вдохновителем которой выступил С. Б. Поляков, информатизации судебных решений с помощью разработанной в соавторстве с И. А. Гилевым программы «Лазер-ИП-ГПК-2020» [37]. И это далеко не единственный пример информационных разработок в сфере осуществления правосудия. К примеру, Х. Д. Аликперов в соавторстве с разработчиками предложил информационную систему «Электронные весы правосудия», функциональным назначением которой стало определение меры уголовного наказания [4; 5].

В исследовании, посвященном искусственному интеллекту, под редакцией Е. П. Ермаковой и Е. Е. Фроловой осуществлен комплексный анализ применения современных информационно-телекоммуникационных технологий в юридической деятельности, а также судопроизводстве [19]. Особое внимание уделено понятию LegalTech, целью которого является пересмотр традиционных взглядов на разрешение юридических вопросов путем внедрения современных

¹ Guodong Du, Meng Yu. Big Data, AI and China's Justice: Here's What's Happening. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/big-data-ai-and-chinas-justice-heres-whats-happening>.

информационных технологий в сфере правовых услуг. В России существует множество веб-сайтов, посвященных LegalTech. Например, ориентированный на молодых юристов *информационный блог «Pravo Tech»*¹, который, кроме собственно рубрики «LegalTech», содержит разделы: а) кейсы автоматизации; б) конференции и форумы; в) чат-боты²; г) дашборды для юридической практики³ и др. Блог также содержит ссылки на сервисы для юристов: Casebook – проверка контрагентов; Caselook – поиск и анализ судебной практики; Case.one – автоматизация работы юриста; Form.one – конструктор чат-ботов; Doc.one – конструктор документов; File.one – база знаний & eDiscovery.

Возможно, следует интегрировать в программное обеспечение судов специальные приложения, которые могли бы осуществлять вспомогательные функции в деятельности судей, позволяющие производить поиск информации, ее обработку, подготавливать шаблоны судебных актов. Внедрение современных технических средств в судопроизводство позволит упростить, ускорить и удешевить процесс разрешения спора.

При этом в научных кругах бытует мнение о дальнейшей информатизации правосудия, вплоть до замены «живого» правоприменителя судьей-роботом⁴. Станут ли подобные тенденции реальностью, судить рано. Однако очевидно, что и в таких условиях юридическая техника не утратит своей актуальности. Думается, что в условиях роботизации правосудия текст правореализационного акта – как исходящего от заявителя, так и исходящего от правоприменителя – получит еще большую актуализацию, будучи единственным средством достижения поставленных правовых целей.

¹ Pravo Tech. URL: <https://blog.pravo.tech/>.

² Чат-бот – это виртуальный собеседник, программа-собеседник, которая выясняет потребности пользователей, помогает удовлетворить их. Автоматическое общение с пользователем ведется с помощью текста или голоса.

³ Дашборд (от англ. dashboard) – представляет собой информационную панель, где отображаются ключевые показатели результативности («KPI») департамента или компании в целом. Таким образом, основная функция дашборда как инструмента бизнес-аналитики – собрать необходимую информацию из различных программ (облачных сервисов, баз данных, др.) и наглядно ее показать в одном месте для пользователя. При необходимости можно сформировать отчет в кратчайшие сроки.

⁴ См., например: Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

Библиографический список

1. Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники: сб. ст. Н. Новгород, 2000. С. 101–105.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. 359 с.
3. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 8. 480 с.
4. Аликперов Х. Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Баку: Ассоциация юристов стран Черноморско-Каспийского региона, 2019. 212 с.
5. Аликперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания. СПб.: Юрид. центр, 2020. 170 с.
6. Баишева З. В. Русский язык и культура речи в юриспруденции: учебник. М., 2002. 193 с.
7. Бакулин А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20–27.
8. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т.: учебник для акад. бакалавриата и магистратуры. Т. 2: Общая часть: в 2-х кн. Кн. 2: Факты. М.: Юрайт, 2016. 497 с.
9. Белов В. А. Понятия «потребитель» и «слабая сторона»: сравнительно-правовой анализ // Вестник арбитражной практики. 2018. № 3. С. 10–23; № 4. С. 11–18.
10. Бибило В. Н. Судебный акт как юридический термин // Вестник Гродненского государственного университета. 2013. № 4. С. 6–12.
11. Бражник С. Д., Инджгия А. М. Правоприменительная техника в уголовном праве: юридическое содержание, виды и границы понятия // Юрид. наука. 2012. № 4. С. 53–55.
12. Власенко В. А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 28 с.
13. Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие. Иркутск, 2001. 144 с.
14. Волос А. А. Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 26–29.
15. Голубцов В. Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262.
16. Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Судебное решение как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Знание. 2018. № 2-2 (54). С. 55–62.

17. *Губаева Т. В.* Язык и право. М., 2010. 160 с.
18. *Доценко Т. А.* Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 316–323.
19. *Ермакова Е. П., Фролова Е. Е.* Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. М.: Юрлитинформ, 2021. 224 с.
20. *Ерошенко А. А.* Гражданско-правовая защита личной собственности в СССР // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 106–110.
21. *Загайнова С. К.* Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М.: Статут, 2008. – 506
22. *Иванюк О. А.* Административная правоприменительная юридическая техника: постановка проблемы // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 422–428.
23. *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1906. 229 с.
24. *Калабеков Ш. В.* Договор как универсальная правовая конструкция: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 32 с.
25. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества. М.: Юрайт, 2023. 283 с.
26. *Карташов В. Н.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 254 с.
27. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М.: Эксмо, 2008. 512 с.
28. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 496 с.
29. *Колдин В. Я.* Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. 2014. № 3. С. 89–93.
30. *Колесник И. В.* Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 437 с.
31. *Колоколов Н. А.* Юридическая техника судебного решения как явление правовой культуры // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 143–156.
32. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1898. 354 с.
33. *Кузьмина А. В.* Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 698–727.
34. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. 238 с.
35. *Малькевич В. В.* Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 139–141.
36. *Павлов А. А.* Комментарий к статье 8 ГК РФ // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.
37. *Поляков С. Б., Гилев И. А.* Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 462–487.
38. *Пронина М. П.* Правоприменительная юридическая техника уголовного законодательства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 5. С. 126–129.
39. *Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения.* М., 2001. С. 156–157.
40. *Пугинский Б. И.* Правовые средства повышения эффективности производства. М., 1980. С. 129–133.
41. *Рафикова З. Л.* Значение системы юридических фактов в гражданском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 219–225.
42. *Рожкова М. А.* Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53–64.
43. *Ромашов Р. А.* Юридическая техника и юридическая технология: некоторые проблемы теоретического моделирования и практического внедрения // Юридическая техника: вопросы теории и практики: материалы межвуз. науч.-техн. конф. (Санкт-Петербург, 17 июля 2005 г.) СПб., 2005. С. 33–39.
44. *Рузавин Г. И.* Методологические проблемы аргументации. М., 1997. 90 с.
45. *Русакова Е. П., Гроник И. А., Купчина Е. В.* Гражданское судопроизводство сквозь призму цифровизации: опыт России, США и Филиппин / под общ. ред. Е. П. Русаковой. М.: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2021. 109 с.
46. *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. 314 с.
47. *Федорченко Е. В.* Юридическая техника судебных решений как критерий уровня правовой культуры // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 83–87.
48. *Фирсова К. Д.* Правореализующие акты-документы как элемент механизма непосредственной реализации прав и свобод лично-

сти // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 417–422.

49. Фридман Л. Введение в американское право. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. 286 с.

50. Хазова О.А. Искусство юридического письма. М.: Юрайт, 2012. 181 с.

51. Хохлов С.А. Договорная работа. Свердловск, 1986. 128 с.

52. Хохлов С.А. Организация договорной работы в народном хозяйстве. Красноярск, 1986. 160 с.

53. Черданцев А.Ф. Логико-структурные феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. 189 с.

54. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1972. № 3. С. 12–14.

55. Шеховцова А.С. Принцип защиты слабой стороны договора с участием субъектов предпринимательской деятельности // Власть Закона. 2018. № 4. С. 243–251.

56. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

57. Юридическая техника: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2015. 648 с.

58. Юридическая техника: учебник / О.В. Лазарева, Н.И. Сухова; Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2015. 316 с.

59. Rusakova E. P. Robotization of Civil Proceedings: Reality or Future // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 211–217. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_23.

60. Rusakova E. P., Frolova E. E. Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 254. Pp. 143–153. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_12.

References

1. Aleksandrov A. S. *Yuridicheskaya tekhnika – sudebnaya lingvistika – grammatika prava* [Legal Technique – Forensic Linguistics – Grammar of Law]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki: sbornik statey* [Problems of Legal Technique: collected articles]. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 101–105. (In Russ.).

2. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law: in 2 vols.]. Moscow, 1982. Vol. 2. 359 p. (In Russ.).

3. Alekseev S. S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 8. 480 p. (In Russ.).

4. Alikperov Kh. D. *Komp'yuternaya programma opredeleniya mery nakazaniya* [Computer Program for Determining the Punishment]. Baku, 2019. 212 p. (In Russ.).

5. Alikperov Kh. D. *Elektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya* [Electronic Technology for Determining the Punishment]. St. Petersburg, 2020. 170 p. (In Russ.).

6. Baisheva Z. V. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi v yurisprudentsii* [The Russian Language and Culture of Speech in Jurisprudence: a textbook]. Moscow, 2002. 193 p. (In Russ.).

7. Bakulin A. F. *Sudebnaya zashchita slaboy storony predprinimatel'skogo dogovora* [Judicial Protection of the Weaker Party to a Business Agreement]. *Sud'ya – Judge*. 2019. Issue 8. Pp. 20–27. (In Russ.).

8. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law: in 4 vols.]. Vol. II. *Obshchaya chast'* [General Part: in 2 books]. Book 2. *Fakty: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury* [Facts: Textbook for Academic Bachelor's and Master's Degree Programs]. Moscow, 2016. 497 p. (In Russ.).

9. Belov V. A. *Ponyatiya «potrebitel'» i «slabaya storona»: sravnitel'no-pravovoy analiz* [The Concepts of 'Consumer' and 'Weaker Party': Comparative Legal Analysis]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki – Bulletin of Commercial Proceedings Practice*. 2018. Issue 3. Pp. 10–23; Issue 4. Pp. 11–18. (In Russ.).

10. Bibilo V. N. *Sudebnyy akt kak yuridicheskiy termin* [Judicial Act as a Legal Term]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie – Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2013. Issue 4. Pp. 6–12. (In Russ.).

11. Brazhnik S. D., Indzhgiya A. M. *Pravoprimenitel'naya tekhnika v ugovnom prave: yuridicheskoe sodержание, vidy i granitsy ponyatiya* [Law Enforcement Technique in Criminal Law: Legal Content, Types and Boundaries of the Concept]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 2012. Issue 4. Pp. 53–55. (In Russ.).

12. Vlasenko V.A. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie ustanovleniya grazhdanskikh prav i obyazannostey: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [A Court Judgment as a Basis for Establishing Civil Rights and Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 28 p. (In Russ.).

13. Vlasenko N. A. *Zakonodatel'naya tekhnologiya (Teoriya. Opyt. Pravila)* [Legislative Technology (Theory. Experience. Rules): a textbook]. Irkutsk, 2001. 142 p. (In Russ.).

14. Volos A. A. *Slabaya storona brachnogo dogovora* [The Weaker Party to the Marriage Con-

tract]. *Notarius* – Notary. 2018. Issue 4. Pp. 26–29. (In Russ.).

15. Golubtsov V. G. *Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt v grazhdanskom prave: doktrinal'nyy diskurs i problema legal'nykh formulirovok* [Court Judgement as a Jural Fact in Civil Law: Doctrinal Discourse and the Problem of Legal Formulations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 2. Pp. 240–262. (In Russ.).

16. Gol'tsov V. B., Golovanov N. M. *Sudebnoe reshenie kak osnovanie vzniknoveniya, izmeneniya i prekrashcheniya grazhdanskikh prav i obyazannostey* [Court Judgment as a Basis for the Emergence, Change and Termination of Civil Rights and Obligations]. *Znanie* – Knowledge. 2018. Issue 2-2 (54). Pp. 55–62. (In Russ.).

17. Gubaeva T. V. *Yazyk i pravo* [Language and Law]. Moscow, 2010. 160 p. (In Russ.).

18. Dotsenko T. A. *Sushchnost' yuridicheskikh konstruksiy* [The Essence of Legal Structures]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Problems of Legal Technique: collected articles]. Ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 316–323. (In Russ.).

19. Ermakova E. P., Frolova E. E. *Iskusstvennyy intellekt v grazhdanskom sudoproizvodstve i arbitrazhe: opyt SShA i KNR* [Artificial Intelligence in Civil and Arbitration Proceedings: the Experience of the USA and PRC]. Moscow, 2021. 224 p. (In Russ.).

20. Eroshenko A. A. *Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnoy sobstvennosti v SSSR* [Civil Law Protection of Personal Property in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1968. Issue 6. Pp. 106–110. (In Russ.).

21. Zagaynova S. K. *Teoreticheskie problemy kharakteristiki sudebnykh aktov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh* [Theoretical Problems of the Characteristics of Judicial Acts in Civil and Commercial Proceedings]. *Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Problematic Issues of Civil and Commercial Processes]. Ed. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova]. Moscow, 2008. 506 p. (In Russ.).

22. Ivanyuk O. A. *Administrativnaya pravoprimeritel'naya yuridicheskaya tekhnika: postanovka problemy* [Administrative Law Enforcement Juridical Technique: Statement of the Problem]. *Yuridicheskaya tekhnika* – Juridical Techniques. 2009. Issue 3. Pp. 422–428. (In Russ.).

23. Jhering R. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Transl. from German. St. Petersburg, 1906. 229 p. (In Russ.).

24. Kalabekov Sh. V. *Dogovor kak universal'naya pravovaya konstruksiya: avtoref. dis. ...*

kand. yurid. nauk [The Contract as a Universal Legal Structure: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 32 p. (In Russ.).

25. Kartashov V. N. *Teoriya pravovoy sistemy obshchestva* [The Theory of the Legal System of Society]. Yaroslavl, 2005. 547 p. (In Russ.).

26. Kartashov V. N. *Yuridicheskaya tekhnika, taktika, strategiya i tekhnologiya (k voprosu o sootnoshenii)* [Legal Technique, Tactics, Strategy and Technology (on the Question of Relationship)]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Problems of Legal Technique: collected articles]. Nizhny Novgorod, 2000. 254 p. (In Russ.).

27. Kashanina T. V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Moscow, 2008. 512 p. (In Russ.).

28. Kashanina T. V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique: a textbook]. 2nd ed., rev. Moscow, 2017. 496 p. (In Russ.).

29. Koldin V. Ya. *Problema tekhnologicheskogo urovnya pravoprimereniya* [The Problem of the Technological Level of Law Enforcement]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2014. Issue 3. Pp. 89–93. (In Russ.).

30. Kolesnik I. V. *Teoreticheskaya model' pravoprimeritel'noy tekhnologii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical Model of Law Enforcement Technology: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 437 p. (In Russ.).

31. Kolokolov N. A. *Yuridicheskaya tekhnika sudebnogo resheniya kak yavlenie pravovoy kul'tury* [Legal Technique of Court Judgment as a Phenomenon of Legal Culture]. *Yuridicheskaya tekhnika* – Juridical Techniques. 2016. Issue 10. Pp. 143–156. (In Russ.).

32. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. St. Petersburg, 1898. 354 p. (In Russ.).

33. Kuz'mina A. V. *Formirovanie doktriny zashchity slaboy storony v dogovornom prave* [Protection of the Weaker Party in Contract Law: Formation of the Doctrine]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 4. Pp. 698–727. (In Russ.).

34. Lupinskaya P. A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice]. Moscow, 2010. 238 p. (In Russ.).

35. Mal'kevich V. V. *Ob odnoy pravovoy konstruksii* [On One Legal Construction]. *Voprosy Filosofii* – Questions of Philosophy. 1965. Issue 6. Pp. 139–141. (In Russ.).

36. Pavlov A. A. *Kommentariy k st. 8 GK RF* [Commentary on Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynnyy kommentariy k*

stat'yam 1-16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [General Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 2020. 1469 p. (In Russ.).

37. Polyakov S. B., Gilev I. A. *Predmetnaya oblast' informatizatsii sudebnykh resheniy* [The Subject Area of Informatization of Court Decisions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 3. Pp. 462–487. (In Russ.).

38. Pronina M. P. *Pravoprimeritel'naya yuridicheskaya tekhnika ugolovnoy zakonodatel'stva* [Law Enforcement Juridical Technique of Criminal Legislation]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal* – Business in Law. 2016. Issue 5. Pp. 126–129. (In Russ.).

39. *Professional'nye navyki yurista: opyt prakticheskogo obucheniya* [Professional Skills of a Lawyer: Experience of Practical Training]. Moscow, 2001. 414 p. (In Russ.).

40. Puginskiy B. I. *Pravovye sredstva povysheniya effektivnosti proizvodstva* [Legal Means to Improve Production Efficiency]. Moscow, 1980. 144 p. (In Russ.).

41. Rafikova Z. L. *Znachenie sistemy yuridicheskikh faktov v grazhdanskom prave* [Significance of the System of Legal Facts in Civil Law]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2014. Issue 1. Pp. 219–225. (In Russ.).

42. Rozhkova M. A. *Ponyatie sudebnogo resheniya v kontekste stat'i 8 GK RF* [The Concept of a Court Decision in the Context of Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo* – Economy and Law. 2002. Issue 6. Pp. 53–64. (In Russ.).

43. Romashov R. A. *Yuridicheskaya tekhnika i yuridicheskaya tekhnologiya: nekotorye problemy teoreticheskogo modelirovaniya i prakticheskogo vnedreniya* [Legal Technique and Legal Technology: Some Problems of Theoretical Modeling and Practical Implementation]. *Yuridicheskaya tekhnika: voprosy teorii i praktiki: materialy mezhvuzovskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 17 iyulya 2005 g.)*. [Legal Technique: Issues of Theory and Practice: Proceedings of Interuniversity Scientific and Technical Conference (St. Petersburg, July 17, 2005.)]. St. Petersburg, 2005. P. 33–39. (In Russ.).

44. Ruzavin G. I. *Metodologicheskie problemy argumentatsii* [Methodological Problems of Argumentation]. Moscow, 1997. 90 p. (In Russ.).

45. Rusakova E. P., Gronik I. A., Kupchina E. V. *Grazhdanskoe sudoproizvodstvo skvoz' prizmu tsifrovizatsii: opyt Rossii, SShA i Filippin* [Civil Proceedings through the Prism of Digitaliza-

tion: the Experience of Russia, the USA and the Philippines]. Moscow, 2021. 109 p. (In Russ.).

46. Ushakov A. A. *Ocherki sovetskoy zakonodatel'noy stilistiki* [Essays on Soviet Legislative Stylistics]. Perm, 1967. 314 p. (In Russ.).

47. Fedorchenko E. V. *Yuridicheskaya tekhnika sudebnykh resheniy kak kriteriy urovnya pravovoy kul'tury* [Legal Technique of Court Judgments as a Criterion for the Level of Legal Culture]. *Pravovaya kul'tura* – The Legal Culture. 2017. Issue 1 (28). Pp. 83–87. (In Russ.).

48. Firsova K. D. *Pravorealizuyushchie akty-dokumenty kak element mekhanizma neposredstvennoy realizatsii prav i svobod lichnosti* [Law Enforcement Acts/Documents as an Element of the Mechanism for the Direct Implementation of the Rights and Freedoms of the Individual]. *Vestnik TGU* – Tambov University Review. Series: Humanities. 2009. Issue 11. Pp. 417–422. (In Russ.).

49. Fridmen L. *Vvedenie v amerikanskoe pravo* [Introduction to American Law]. Moscow, 1992. 286 p. (In Russ.).

50. Khazova O. A. *Iskusstvo yuridicheskogo pis'ma* [The Art of Legal Writing]. Moscow, 2012. 181 p. (In Russ.).

51. Khokhlov S. A. *Dogovornaya rabota* [Contract Work]. Sverdlovsk, 1986. 128 p. (In Russ.).

52. Khokhlov S. A. *Organizatsiya dogovornoy raboty v narodnom khozyaystve* [Organization of Contract Work in the National Economy]. Krasnoyarsk, 1986. 160 p.

53. Cherdantsev A. F. *Logiko-strukturnye fenomeny v prave, yuridicheskoy nauke i praktike* [Logical-Structural Phenomena in Law, Legal Science and Practice]. Yekaterinburg, 1993. 189 p. (In Russ.).

54. Cherdantsev A. F. *Yuridicheskie konstruksii, ikh rol' v nauke i praktike* [Legal Constructions, Their Role in Science and Practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 1972. Issue 3. Pp. 12–14. (In Russ.).

55. Shekhovtsova A. S. *Printsip zashchity slaboy storony dogovora s uchastiem sub'ektov predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [The Principle of Protecting the Weaker Party to the Contract with the Participation of Business Entities]. *Vlast' Zakona* – The Rule of Law. 2018. Issue 4. Pp. 243–251. (In Russ.).

56. *Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii* [Legal Concept of Robotization: a monograph]. Ed. by Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. Moscow, 2019. 240 p. (In Russ.).

57. *Yuridicheskaya tekhnika: kurs lektsiy* [Legal Technique: A Course of Lectures]. Ed. by

V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2015. 648 p. (In Russ.).

58. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique: a textbook]. O. V. Lazareva, N. I. Sukhova. Saratov, 2015. 316 p. (In Russ.).

59. Rusakova E. P. Robotization of Civil Proceedings: Reality or Future. *Smart Innovation, Sys-*

tems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 211–217. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_23. (In Eng.).

60. Rusakova E. P., Frolova E. E. Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. Vol. 254. Pp. 143–153. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_12. (In Eng.).

Информация об авторах:

И. П. Кожокарь, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225

DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-158-186

Е. П. Русакова, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754

ResearcherID: L-5478-2017

About the authors:

I. P. Kozhokar

Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225

DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-158-186

E. P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

ORCID: 0000-0001-6488-0754

ResearcherID: L-5478-2017